

КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА ДОНИК

аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН
(СПбИИ РАН) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
extale@mail.ru

ДНЕВНИК СВЕТЛЯЩЕГО КНЯЗЯ А. С. МЕНШИКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Цель статьи – предпринять первую в историографии попытку источниковедческой характеристики дневника светлейшего князя А. С. Меншикова. Дневник представляет собой исторический источник, содержащий сведения по политической истории эпохи Александра I и Николая I, жизни придворной элиты и бюрократии, о повседневности персон аристократического круга первой половины XIX столетия. Научная новизна статьи заключается в общем источниковедческом описании документа, впервые вводимого в научный оборот, выявлении его места среди аналогичных документов этого времени, установлении адресата и целей многолетнего ведения автором поденных записей. Актуальность представленных наблюдений для исторической науки заключается в пополнении опыта изучения аналогичных источников, интерес к которым неуклонно возрастает в рамках таких востребованных сегодня направлений, как история повседневности аристократических элит, антропология власти и т. п. Основной вывод заключается в необходимости дальнейшей работы с дневником князя Меншикова и непременной его будущей публикации.

Ключевые слова: князь Меншиков, адмирал, дневник, эго-документ, личный архив, Николай I, государственные деятели XIX века

Светлейший князь А. С. Меншиков (1787–1869) – один из самых влиятельных представителей управленческой элиты России первой половины XIX века. Начальник Главного Морского штаба его императорского величества (1836–1855), генерал-губернатор Финляндии, член нескольких секретных комитетов Николая I, член Государственного совета, дипломат и Главнокомандующий русской армией в годы Крымской войны, крупнейший помещик, личность, заслужившая противоположные оценки современников – от резких до самых восторженных [10: 407–411]. В историографии также присутствуют различные оценки его деятельности как дипломата и военачальника, государственно-го деятеля, причины влияния которого современники видели в «наследственном» фаворитизме при отрицательных личных характеристиках. Создание биографии князя Меншикова представляет собой значительную трудность не только из-за неоднозначности оценок, но и по причине фрагментарно изученных документов личного фонда, большая часть которых не известна исследователям. Материалы фонда Меншикова, хранящиеся в РГА ВМФ (Ф. 19), представляют собой на первый взгляд собрание малоинформационных документов, логическую связь между которыми сложно установить. Своебразный почерк Меншикова делает некоторые из них нечитаемыми. К таковым относится и дневник, который князь вел практически всю жизнь. Основные причины, обесценившие его как исторический источник, – его кажущаяся малоинформационность для создания больших описаний классической полити-

ческой истории, а также мифологизация образа князя Меншикова как антигероя Крымской войны и влияние памяти на историографические построения [2: 142]. Произошедший в современной историографии сдвиг внимания исследователей от «изучения событий к изучению состояний» [8: 6] отразился в устойчивом закреплении понятия эго-документов как источников, в которых рельефно проступает *личное* – то, чему отводилась второстепенная роль в более ранней парадигме исследования дневников как свидетелей политического события. Главная задача нашей статьи заключается в создании первого в историографии краткого источниковедческого обзора этого сложного источника: что он представляет собой как *личное* свидетельство, какова его форма, содержание, литературные характеристики, о чем он рассказывает и кому – вот круг вопросов, на который мы попытаемся дать ответ.

Дневник князя А. С. Меншикова – это совокупность погодных записей, хронологически охватывающих период с 1810 по 1865 год. Они велись в разных по формату тетрадях, а одни из самых ранних записей о пребывании князя в Пруссии во время заграничных походов русской армии (1813) – на обратной стороне немецкого календаря. Необходимо отметить две особенности этого документа: плохая сохранность материального носителя (бумаги) и неразборчивый почерк князя Меншикова, который довольно нестабилен, из-за чего возникает эффект «разных писцов». Качество почерка меняется в зависимости от обстоятельств: например, можно проследить прямую зависимость между

многочисленными периодами болезни и снижением читаемости записей, равно как и их объема. Краткие небрежные записи сопровождают также те периоды, когда он был сильно занят.

Существенно затрудняет внешнюю критику документа и то, что в месте хранения (РГА ВМФ) исследователю с ним можно ознакомиться только на микрофильме. В то же время в тетрадях имеются перепутанные листы, трудно читаемые фрагменты, знакомство с подлинником документа отчасти бы упростило эти проблемы. За некоторые годы в ведении дневника имеются пропуски: так, например, отсутствуют записи за 1811, 1814–1819 годы – то время, когда князь Меншиков продвигается по службе, состоит в свите императора, становится известен в свете. И реконструкция этого дружеского круга общения князя была бы очень полезна для понимания его карьерного пути, политических и ценностных представлений. На данный момент не представляется возможным сказать, действительно ли князь Меншиков в это время не вел никаких записей или они были уничтожены после его отставки в 1824 году. В начале XX века, после покупки архива князя Морским министерством, с документами личного архива А. С. Меншикова работала специальная комиссия, разбиравшая и описывавшая бумаги¹; по всей видимости, дневник был в целях хранения и более удобного обращения к нему (в подлиннике) разделен на тетради по годам, которые потом стали отдельными архивными единицами. На данный момент дневник князя Меншикова – это 30 архивных дел, не считая того, что в описи значится «записными книжками» за 1820 и 1843 годы и что также можно отнести к поденным записям князя. Требуется реконструкция дневника как единого целого, текста, отражающего его автора на разных этапах жизненного пути. Дневник князя изобилует записями о семейной повседневности, привычках, болезнях и их лечении, путешествиях и вынужденных поездках, отношениях с детьми, сердечных увлечениях, обденных пристрастиях и многом другом. Все это позволяет отнести его к богатейшим источникам по истории повседневности российской аристократии первой половины XIX столетия.

После смерти князя Меншикова дневник хранился у его сына вместе с богатейшим архивом. Последний представитель княжеского рода Меншиковых – светлейший князь Владимир Александрович Меншиков – скончался в 1893 году, не оставил наследников мужского пола. Как следует из документов Морского министерства, которое в 1913 году выкупило архив князя, до этого все документы находились «в частных руках». Уже тогда к нему обращались А. М. Зайончковский и Н. К. Шильдер. Широко текст дневника князя Меншикова использовался именно Н. К. Шильдером в его работе о Николае I² [11]. В ОР РНБ хра-

нится письмо А. М. Зайончковского Д. Ф. Кобеко, ставшему директором Императорской Публичной библиотеки после смерти Н. К. Шильдера в 1902 году. Из него следует, что А. М. Зайончковский содействовал Н. К. Шильдеру в получении дневника для работы у князя Николая Николаевича Гагарина (1823–1902)³. Князь Гагарин был сыном князя Николая Сергеевича Гагарина – близкого друга и свата князя А. С. Меншикова: Владимир Александрович Меншиков был женат на Леониде Николаевне Гагариной, скончавшейся в 1887 году. Таким образом, и документы князя А. С. Меншикова и его сына, по всей видимости, остались у кого-то из представителей Гагариных (Николай Николаевич умер в 1902 году)⁴ [6: 132]. Н. К. Шильдер, получив дневник, сделал выписки за период 1858–1865 годов, на данный момент хранящиеся в ГАРФ (Ф. 728). Поскольку род Гагариных фактически угасал в начале XX века, а фамильные архивы князей Меншиковых – государственных и военных деятелей – представляли собой огромную историческую ценность и интерес, Морское ведомство изъявило желание их приобрести. Покупка состоялась в 1913 году, и несколько последующих лет архив князя А. С. Меншикова описывала специальная комиссия, которая работала и с дневниками светлейшего князя. Переписанные части дневника являются опорой в работе с текстом подлинника, хотя и нуждаются в уточнениях и в восполнении пробелов.

В советские годы к дневнику обращались Л. Г. Захарова в своей фундаментальной монографии, посвященной отмене крепостного права в России [3], а в более поздние годы – С. В. Мироненко, также изучавший деятельность князя Меншикова в отношении крестьянского вопроса за более раннее время – 1830–1840-е годы [4]. Однако, помимо обращения к дневнику князя как к «свидетелю» фактов, в историографии не предпринималось попыток его целостного изучения, что, безусловно, связано с фигурой его создателя – светлейшего князя А. С. Меншикова, одного из самых одиозных и мифологизированных героев николаевского царствования, ни одной научной биографии которого пока не существует.

Записи князя Меншикова велись в характерной «сжатой» манере, где почти нет места оценкам и рассуждениям, эмоциям. Тексты дневника за 1820-е и 1860-е годы однообразны по сюжетам (что записывал), форме фиксации (как записывал) и почти отсутствующей оценочной и эмоциональной составляющим – в этом отношении мы зафиксировали устоявшуюся культуру ведения поденных записей, характерную для XVIII столетия, но продлившуюся в дневнике невероятно долго – до середины XIX столетия. Без пристальных рассуждений, сконцентрированные на констатации событий дневники были записями «для себя» в будущем, часто – для памяти,

например, кому и когда нанести ответный визит. Поскольку князь Меншиков много занимался дипломатической деятельностью, дневник, по всей видимости, часто приобретал характер деловых записей и впоследствии становился основой для официального отчета. Интересную заметку в своем дневнике за 1826 год оставил П. Г. Дивов (1765–1841), сенатор и дипломат:

2 октября. Я получил из Москвы приказание поместить статью, одобренную императором и, кажется, им самим продиктованную, в которой заключался дневник князя Меншикова (о посольстве в Персию)⁵.

В дневнике за 1838 год вместо обычных записей есть часть, озаглавленная «Журнал плавания», когда князь совершил дипломатические поездки в свите императора или по долгу службы был в плавании, на крейсерстве записи дневника превращались в журнал плавания, как только князь сходил на берег – дневник заполнялся привычными записями о состоянии здоровья, визатах, повседневной жизни.

Каково место этого сложнейшего документа среди других аналогичных источников рубежа XVIII–XIX веков? Известно большое количество дневников (журналов, поденных записок и т. п.) за вторую половину XVIII – первую половину XIX столетия. В чем уникальность дневника князя Меншикова и его типичность? Прежде всего, следует отметить, что дневник князя наследует форму дневниковых записей, характерных для убывающего XVIII века. Асинхрония этого дневника заметна, если его рассматривать в контексте записей аналогичного круга лиц в 30–40-е годы века девятнадцатого, из которых он сильно выделяется устарелостью своей формы. Наоборот, если рассматривать дневники представителей аристократии за 1760–1790-е годы, то можно сделать заключение, что дневник князя очень похож на своих старших «собратьев». От «Журнала собственного» генерал-фельдмаршала Н. Ю. Трубецкого (1699–1767) его отличает тенденция фиксировать каждый прожитый день, а не только самые важные события, которые констатировались также «летописно», без комментариев и выражения собственного отношения⁶. Два практически однотипных дневника – князя Н. В. Репнина⁷ и графа А. Г. Бобринского⁸, в которых отражаются записи за 1770–1790 годы, очень близки к дневнику князя Меншикова по форме записей, структуре «дневного» сюжета (хронологическая последовательность событий, тщательная фиксация дат, лиц, обстоятельств). Еще ближе к дневнику князя Меншикова в отдельных фрагментах дневник сенатора А. Я. Ильина, масона, который вел свои записи в 1775–1776 годах⁹. В «Русском Архиве» в 1895 году был опубликован очень похожий «Журнал биографический моей жизни»¹⁰ неизвестного офицера 1785 года рождения (почти ровесника князя Меншикова), героя наполеоновских войн, который также ве-

дет летопись своей жизни, отмечая события, происходившие с ним на войне. Нельзя не отметить поденные записи великого князя Николая Павловича за 1822–1825 годы, форма которых также на первый взгляд кажется «монотонной» и малоинформационной [7: 12]. Все приводимые в качестве жанрового временного контекста дневники являются летописями жизни их авторов. Такая аналогия может показаться несколько неоправданной в силу временного зазора между существованием летописей и дневников, тем не менее она позволяет подчеркнуть предпосылки дневных записей XVIII – начала XIX столетия как личных летописей: они призваны были не столько давать оценки происходящему, сколько фиксировать важные для автора события в целях сделать себя в прошлом очевидным, «историческим». Дневник князя Меншикова следует за ним на прогулки, «слышит» слухи, замечает перемены, учитывает визиты, отправляется с ним в плавание и на осаду крепости. «Я» дневниковое в начале записей (1810–1830-е годы) совпадает с «Я» настоящим. «Я» дневниковое как собеседник, свидетель событий, аналитик и критик дел и поступков, спорщик и ироничный обозреватель появится намного позже.

Предполагался ли изначально у дневника адресат? Как отмечал известный исследователь русской мемуаристики А. Г. Тартаковский, дневник как самый распространенный автожанр – это прежде всего послание себе, и во время создания дневник

рассчитан главным образом на внутренние интимные нужды автора, не предназначается им к приживенному обнародованию, как правило, «секретен» для окружающих [9: 12].

В то же время любому ведущему дневник свойственно, по выражению А. Г. Тартаковского, «затаенное понимание» того, что эти записи рано или поздно будут прочтены. В дневнике князя Меншикова мы единственный раз почти случайно обнаруживаем указание на адресата. В ноябре 1824 года он оказывается в отставке за свои «карбонарские» настроения. На данный момент в историографии это принято связывать с тем, что Меншиков вместе с М. С. Воронцовым пытались создать общество помещиков для освобождения крепостных крестьян [5: 158–159]. Крах своей военной и придворной карьеры он воспринял очень тяжело и 30 ноября 1824 года записал в дневнике:

Получил сего дня из Петербурга приказ, отенный 20-м числом сего ноября, коим увольняют от службы по домашним обстоятельствам с мундирам. Сын мой, может быть, после меня любопытен будет знать причины действий отца своего. И потому изложу [их] здесь откровенно...¹¹

Далее следует запись за 1 декабря. Думается, что князь Меншиков уничтожил страницы дневника, на которых была сделана запись

о причинах его удаления. Во время восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года князь Меншиков находился в своем родовом имении в Клинском уезде Московской губернии; по его словам, о случившемся он узнал от сенатора В. С. Новосильцова (племянник Н. Н. Новосильцова), с которым состоял в дружеских отношениях. Нельзя исключать, что вместе со страницами об отставке были уничтожены и более ранние записи, в которых, возможно, отражалось членство Меншикова в одной из тайных преддекабристских организаций¹² [1: 415]. Итак, читателем дневника, помимо самого автора, должен был стать Владимир Александрович Меншиков – его единственный сын, который по мере взросления и поступления на службу становится одним из героев дневника.

Определяя место дневника князя Меншикова среди других аналогичных документов, мы условно раздели дневник на две большие части – 1) записи, которые велись до 1840-х годов, и 2) записи 1840–1860-х годов. При всей схожести в структуре описания каждого дня, записи «второй» половины более информативны, содержат не только констатацию событий, но и их описание, иногда (редко) – проявления эмоций, личное отношение и описание внутренних состояний. Более подробно описываются события государственной деятельности князя как члена Государственного совета и Комитета министров. Безусловно, эти записи весьма далеки, например, от дневников секретаря совета барона М. А. Корфа или цензора А. В. Никитенко, которые также условно можно принять за идеал дневниковой исторической записи, прежде всего для политического историка. Для них характерны: пространное описание событий, передача разговоров, большое количество персонажей, описание обстановки, личностей, хорошая литературная форма текстов – то, что можно было бы назвать сильным присутствием автора в повествовании. Князь Меншиков продолжает вести записи фактографического, событийного характера, тем не менее уже распространяясь и рассуждая на тот или иной сюжет. Осмелимся выдвинуть предположение. Заметно меняющийся характер записей мог быть вызван не только развитием этого жанра

ра вследствие растущей практики ведения дневников и перемены с годами в самом пишущем, но и в значительной степени пошатнувшимся положением князя Меншикова при дворе. Его секретарь К. И. Фишер указывает на то, что с началом 40-х годов начинается новый виток борьбы за влияние на Николая I. Деятели первого десятилетия (1826–1836) по разным причинам в это время либо утрачивают влияние, либо сходят с политической сцены. Князь Меншиков остается одним из немногих министров «первого набора»¹³. При дворе возникали и рассыпались группировки непостоянного характера, однако те сановники, которые их формировали, оставались около царя и стремились контролировать доступ в этот замкнутый круг, а также обсуждение и принятие важных решений. Едва уловимое изменение дневника по характеру записей прослеживается с той поры, как Фишер указывает на начавшуюся изоляцию Меншикова. Князь записывает обсуждения решений в Государственном совете, споры (иногда – в виде диалогов), разговоры с друзьями молодости, с которыми отношения считались испорченными. Ситуации, когда ему не удается повлиять на исход обсуждения законопроекта в совете и на окончательное монаршее решение, он излагает, подчеркивая свою правоту. Встречаются редкие, а потому и столь ценные сюжеты повседневности князя:

Приходил ко мне выгнанный за взятки из Инспекторского департамента чиновник Петров, просит пенсии. Хладнокровие мне изменило. Я его выгнал ругательски. Это так во мне необыкновенно, что удивило моих адъютантов¹⁴.

Дневник становится многомерным, появляется тенденция записывать более полно и литературно, проекция себя в дневнике приобретает контуры молчаливого собеседника – слушателя, аналитика и адресата риторических вопросов.

Подводя итог этой общей источниковедческой характеристики, необходимо сделать вывод о том, что дневник князя А. С. Меншикова как источник личного происхождения и эго-документ своей эпохи нуждается в обстоятельном исследовании и дальнейшей публикации с развернутым критическим комментарием.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О ее деятельности: РГА ВМФ. Ф. 411. Оп. 4. Д. 256. Об отчетности по израсходованию из сумм, отпущенных на приведение в порядок Архива князя Меншикова. Л. 1–59.
- ² Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип. А. Суворина, 1903.
- ³ ОР РНБ. Ф. 354 (Архив А. Д. Кобеко). Ед. хр. 206. Л. 1–Зоб.
- ⁴ Возможно, у князя А. Г. Гагарина. См. подробно: [7].
- ⁵ Дневник сенатора Дивова П. Г. // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 3. С. 489.
- ⁶ Трубецкой Н. Ю. Журнал собственного К. Н. Т. по возвращении в 1717 г. из немецкой земли // Русская старина. 1870. Т. 1. СПб., 1875. С. 34–41.
- ⁷ Репнин Н. В. Журнал князя Репнина // Русский архив. 1869. Кн. 1. Вып. 3. Стб. 562–575. В ст.: М. Ф. Де-Пуле. Крестьянское движение при имп. Павле Петровиче.
- ⁸ Бобринский А. Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границею [Извлечение] // Русский архив. 1877. Кн. 3. Вып. 10. С. 116–165.
- ⁹ [Ильин А. Я.] Из дневника масона. 1775–1776 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 4. Отд. 4. С. 1–15.

- ¹⁰ Журнал биографический моей жизни // Русский архив. 1895. Кн. 2. Вып. 6. С. 200–216.
- ¹¹ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17. Дневники князя Меншикова. Л. 19.
- ¹² Орден русских рыцарей, 1815–1817 гг.
- ¹³ Фишер К. И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. С. 261.
- ¹⁴ По копии архивной комиссии: РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134 (2 ч.). Л. 422.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 912 с.
2. Доник К. В. «Герой проигранных сражений»: фигура князя А. С. Меншикова (1787–1869) в историографии и проблемы исторической памяти // Военная история России XIX–XX веков: Материалы X Междунар. конф. СПб., 2017. С. 125–145.
3. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 256 с.
4. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. М.: Мысль, 1990. 235 с.
5. Мироненко С. В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016. 400 с.
6. Сергеева Г. И. А. Д. Меншиков и историческая память // Меншиковские чтения – 2015: Материалы Российской науч. конф. Берёзово, 2015. С. 123–139.
7. Сидорова М. В., Силаева М. Н. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 // Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 3–16.
8. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6–13.
9. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристка XVIII – первой половины XIX в. М.: Археографический центр, 1991. 358 с.
10. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 407–411.

Donik K. V., Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)

THE DIARY OF PRINCE A. S. MENSHIKOV AS A HISTORICAL SOURCE

The article is concerned with the study of the diary belonging to the prince A. S. Menshikov. For the first time in the life of historiography an attempt to describe the diary as a historical source is undertaken. The diary is a historical source that contains information on the political history of the era of Alexander I and Nicholas I, the life of the court elite, the life of bureaucracy and aristocracy of the first half of the XIX century. The article contains a general description of the source and information on its introduction to historical science. The author tries to identify the place of the diary among similar documents of that time and to establish its addressee. The study also surmises the reason for keeping this diary. The author came to a conclusion that there is a need for further work with the diary of Prince Menshikov and its indispensable future publication.

Key words: Prince Menshikov, Admiral, diary, ego-document, personal archive, Nicholas I, statesmen of the XIX century

REFERENCES

1. Andreeva T. V. Secret societies in Russia in the first third of the XIX century. Government policy and public opinion. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009. 912 p. (In Russ.)
2. Donik K. V. “The hero of lost battles”: the figure of Prince A. S. Menshikov (1787–1869) in historiography and the problems of historical memory. *Materials of the International Conference “Russian Military history of XIX–XX centuries”*. St. Petersburg, 2017. P. 125–145. (In Russ.)
3. Zaharova L. G. Autocracy and the abolition of serfdom in Russia 1856–1861. Moscow, Moscow University Publ., 1984. 256 p. (In Russ.)
4. Mironenko S. V. Pages of the secret history of autocracy. Moscow, Mysl’ Publ., 1990. 235 p. (In Russ.)
5. Mironenko S. V. The Decembrists and I: Russia in the first quarter of the XIX century. Selecting the path. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 400 p. (In Russ.)
6. Sergeeva G. I. A. D. Menshikov and historical memory. *Materials of the International Conference “Menshikovskie chteniya – 2015”*. Beryozovo, 2015. P. 123–139. (In Russ.)
7. Sidorova M. V., Silaeva M. N. Notebooks of Grand Duke Nicholas Pavlovich. 1822 – 1825. *Zapisnye knizhki velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha. 1822–1825*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013. P. 3–16. (In Russ.)
8. Surzhikova N. V. Ego-documents: intellectual fashion or conscious necessity? *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki*. Ekaterinburg, AsPUR Publ., 2014. P. 6–13. (In Russ.)
9. Tartakovskij A. G. Russian memoirists of the XVIII – first half of the XIX century. Moscow, Arkheografcheskiy tsentr Publ., 1991. 358 p. (In Russ.)
10. Shilov D. N. Statesmen of the Russian Empire. 1802–1917. Biobibliographical reference book. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2001. P. 407–411. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.03.2018